

Обманчив облик шоумена

Другие берега
Андрея Гаврилова

В рамках Второго Международного музыкального фестиваля "Черешневый лес", организованного артистическим агентством "Краутерконцерт", в БЗК выступил пианист Андрей Гаврилов. Один из самых молодых победителей Конкурса Чайковского, кумир московской публики начала восьмидесятых, музыкант, которого считали духовным наследником Рихтера, исчез из поля зрения русских меломанов в начале перестройки. В Россию он приехал только через тринадцать лет, чтобы предъявить новым нам нового себя. За истекшие полтора года Гаврилов сыграл в Москве три концерта с весьма провокационными программами (достаточно вспомнить только ХТК Баха с хоровым сопровождением медленных фуг) и успел дать несколько эксцентричных интервью. Нынешняя программа — четвертая попытка найти контакт с современными российскими слушателями. И хотя попытка эта, несомненно, оказалась очень удачной и вызвала у публики реакцию восторженного ошеломления, сам пианист снова объявил тайм-аут: по завершении концерта он надолго простился с москвичами.

Воспитанник русской фортепианной школы — и яростный ниспровергатель романтических традиций русского пианизма, называющий стиль игры Рахманинова "салонным музичированием"; интеллектуал, досконально изучивший европейскую культуру, причем не только музыкальную, — и человек, проповедующий "стадионную" эстетику на академической сцене; музыкант-мыслитель, концертный пианист с имиджем шоумена — таков нынешний Андрей Гаврилов. Одним из главных качеств современного артиста он считает энергоемкость, умение потрясти, раздавить силой энергетического поля. Но между тем его собственная игра поражает совсем другим — почти гипертрофированной внимательностью к интонации, флажолетными пианиссимо, филигранной выделкой ритмических рисунков, невероятным совершенством в управлении звуковой плотностью и особенной террасообразной динамикой, способной гипно-

А.Гаврилов

тически удерживать слушателя в состоянии одного аффекта в течение очень долгого времени.

Гаврилов принадлежит к редчайшему ныне типу музыкантов-интерпретаторов, в игре которых собственная индивидуальность выступает единственным ориентиром. Каждая программа пианиста превращается в некую компиляцию установившихся в культурном пространстве идей, обретающих совершенно новые смыслы через столкновение друг с другом. Последний концерт не стал исключением. Вторая и четвертая баллады Шопена в паре с Равелем заиграли неожиданными импрессионистическими красками, добавившими щемящую ностальгическую ноту к эфемерной красоте уходящей романтической поэтики. Бесплотная мистическая полетность четвертой сонаты Скрябина вдруг налилась жизнерадостной прокофьевской азартностью, "Ундина" и "Скарбо" Равеля поразили кинематографической точностью фактурного жеста, а финал восьмой

сонаты Прокофьева захватывающей игрой ритмических виражей напомнил разве что музыку Стравинского.

Этого пианиста трудно слушать и еще труднее услышать, потому что его сценическая подача действительно вызывает очень яркий эмоциональный отклик, мешающий вникнуть во все интеллектуальные провокации и умело срежиссированные смысловые и стилистические перипетии музыкальных сюжетов. И все же за последнее десятилетие мы тоже стали мыслить иначе. Мы уже почти европейцы, но только чуть более сосредоточенные и грустные. И в игре наших молодых музыкантов уже гораздо меньше спортивного куража и гораздо больше размышления. Таких музыкантов в зале было очень много. У них тоже должен быть свой Рихтер. Возвращайтесь скорее, Андрей!

Ольга ФИЛИППОВА

Фото
Степана РАПЧЕВСКОГО

Кувшинура. — 2008. — 30 мая — 5 июня (мод.). — с. 10